

Гируцкий А.А., Минск

СЛОВО В КОНЦЕПЦИИ С.Н. БУЛГАКОВА

Философия слова С.Н. Булгакова базируется на спорах об имяславии, которые послужили для него одним из источников в изложении своих взглядов на философию слова. Отличительной особенностью имяславского подхода к слову и языку является их рассмотрение как сущности энергетической, а не конвенциональной. Сама же философия слова для мыслителя имеет целью «привести к правильной и отчетливой постановке великого и страшного вопроса, с неодолимой силой выдвинувшегося в православном богословствовании: об Имени Божием, Его священной тайне». Вопрос этот С.Н. Булгаков разделяет на две части: 1) имя Божие есть имя, которому свойственны все общие признаки имени; 2) имени Бога присущи единственные и исключительные черты, которые связаны с его богоносностью [1, с. 146].

В работе «Философия имени» С.Н. Булгаков начинает рассмотрение этого вопроса с первой части – с построения философской теории слова, чтобы затем применить ее к имени Бога. Эта часть вопроса являлась для него важнейшей, она подспудно стояла и за особенностями булгаковской концепции слова вообще.

«Что такое слово?» – задается вопросом, имеющим вековую историю, С.Н. Булгаков. Для него этот вопрос не вмещается в науку о словах как таковую. Лингвистика изучает только конкретные, облеченные в плоть и кровь слова, в связи со всем богатейшим содержанием слова в сравнительно узких пределах науки о языке. Вопросы, связанные с онтологической сущностью слова, остаются при этом вне рассмотрения. Здесь же нужна «интуиция слова, узрение его в непосредственном бытии, в его идее». Необходимо выделить и установить то, что ко нем само собой разумеется, составляет его аксиому». Такой аксиомой для С.Н. Булгакова является мысль, которую он варьирует, сохраняя ее суть, что слово принадлежит сразу двум мирам – космосу и человеку [1, с. 13–14].

Слово – это «самосвидетельство космоса в нашем духе, его звучание», афористично утверждает философ. «Слово космично в своем естестве», поскольку принадлежит «не сознанию только, где оно вспыхивает, но бытию», развивает свою мысль С.Н. Булгаков. Человек является мировой ареной, микрокосмом, в нем и через него звучит мир, поэтому «слово антропокосмично». Язык для того и дан человеку, что в нем и через него говорит вся вселенная, «он есть логос вселенной». Поэтому всякое слово – это не только слово данного субъекта о чем-то, но и слово самого чего-то. Человек в выборе слова понуждается онтологической необходимостью, он волен сказать или не сказать слова, вызвав или не вызвав тем самым идею, но, раз она вызвана к сознанию, он уже не властен ее изменить, а может только исказить ее в

осуществлении. Вещи сами свидетельствуют о себе в словах, пробуждают через них свои соответственные идеи. Слова содержат энергию мира, действия мира в нас. Словотворчество только по форме существования кажется процессом субъективным, индивидуальным, психологическим, на самом же деле он космичен. Когда человек говорит, то слово принадлежит ему как микрокосму и как макрокосму, как интегральной части мира. Слово есть удивительное соединение космического слова самих вещей и человеческого о них слова, притом таким образом, что то и другое сращены в единое целое [1, с. 19–27]. Таковы основные положения концепции С.Н. Булгакова об онтологической сущности слова.

Развивая их, он вслед за П.А. Флоренским, говорит о символической природе слова. Природа слова символична, слова суть символы, поэтому философия слова вводится им в состав символического мировоззрения. В символе происходит сращение идеального и материального, космического и элементарного, они носители силы, конденсаторы и приемники мировой энергии. Освобождаемая из космического бытия мысль, его идея тут же облекается в слова, в иероглиф мира, его словесный микрокосм, ведя в нем свое дальнейшее существование. Слова являются живыми и действенными символами вещей, в каком-то смысле – даже самими вещами как их смыслами [1, с. 28].

Но как происходит рождение звуковых символов смысла? В этом вопросе С.Н. Булгакову видится изначальная тайна слова. Пытаясь понять ее, он приходит к выводу, что слова рождают сами себя, идея сама сращивается со звуковым символом, и таким образом смысл воплощается в звуки. Звуки создают для себя органы в человеке, чтобы вписать в нем все мироздание. Иными словами, космичность, символическое значение с тем именно и связаны, что слова не изобретаются, но возникают как силы природы, которые себя проявляют или осуществляют. То, что мы постоянно создаем слова и что наша речь, как и история языка, есть непрестанное словотворчество, не опровергает того факта, что в каждом языке существует некоторая первичная данность определенного количества первых слов, или корней. И вот эти-то первые слова суть живые словесные мифы о космосе. Они сами себя создали, в них закрепляются космические события, и изначальное словотворчество есть космическое мифотворчество, космическая радуга смыслов, словесная символика. Миф не создается и не измышляется, он дается, и на основе его дальнейшей логической переработки создаются наши новые представления и понятия [1, с. 30–32].

Чтобы рельефнее выразить мысль о том, в каком смысле слова сами себя рождают, С.Н. Булгаков сопоставляет ее с имеющимися теориями происхождения языка. Он справедливо отмечает, что эти теории лишь указывают частные причины естественного, эволюционного развития и возникновения языка и не отвечают на вопрос, как появляется слово из не-

слова, или как появляется первое слово. Но верно ли его воззрение, что первослова суть космические символы или мифы, сами себя возвещающие? В ответе на этот вопрос особую остроту получает проблема многоязычия. Почему один и тот же единый смысл получает различное звуковое воплощение? С.Н. Булгаков предполагает, что есть такая преломляющая среда, которая множит звуковую отдачу единого смысла. На смысловую сторону слова это «вавилонское смешение» языков не распространяется. Многоязычие не отменяет единства внутреннего языка, оно относится «не к внутреннему языку, не к ноумену его, но к его феноменальному воплощению, к его реализации, индивидуальности». Язык в этом смысле есть явление социально-историческое. Основа же языка остается космической, или антропологической, а его реализация в наречии есть дело социально-исторического творчества [1, с. 33–37].

Однако такое толкование не дает положительного ответа на вопрос, как все-таки понять множественность наречий, если сращение идеи со смыслом есть необходимое условие для возникновения слова как символа. И здесь С.Н. Булгаков интуитивно прозревает в самом общем плане ответ на этот вопрос: постулирует наличие некоторого мета-слова, его ноумена, который выявляется в звуковой оболочке. Эти звуковые оболочки в своей совокупности и образуют язык, его организм так, что и в каждом отдельном слове проявляется весь язык. Сами языки суть как бы различно настроенные резонаторы, которые по-разному вибрируют на волны мета-слова «Определить, уловить это различие, – отмечает С.Н. Булгаков, – трудность неимоверная; мы сейчас не умеем даже к этому подойти, однако непосредственное чувство свидетельствует, что это различие есть, и радуга языков, представляющая собой разложение белого луча, естественного языка, голубинного языка мира, для каждого языка имеет в своем спектре луч определенной окраски и значения. Все языки естественны, связаны с языком вещей, но каждый по-своему и в разном» [1, с. 37].

Литература

1. Булгаков, С.Н. Философия имени. Икона и иконопочитание / С.Н. Булгаков // Сочинения : в 2-х т. – М. : Искусство ; СПб. : Инапресс, 1999. – Т. 2. – С. 13–240.
2. Гируцкий, А.А. Наука и религия : учеб. пособие / А.А. Гируцкий, Р.М. Новрузов. – М. : ФЛИНТА : Наука, 2013. – 416 с.